

12 октября 1983 г., № 234 (16 731)

П О Э Т РУССКОЙ ПРОЗЫ

У великих писателей как бы две жизни. Две жизни и у И. С. Тургенева. Он родился в ноябре 1818 и умер в сентябре 1883 года. А в памяти человечества он — наш, живой современник. 1983 год объявлен ЮНЕСКО Годом Тургенева и отмечается во всем мире.

Когда 3 сентября 1883 года во французском городе Бужевале скончался Тургенев, это событие означало для его соотечественников нечто большее, чем просто смерть любимого писателя. Ушел из жизни классик русской литературы, который был замечен даже рядом с самыми великими из них, Толстым и Достоевским, ибо как художник он обладал неординарным качеством — он был «поэтом русской прозы». Не случайно свою литературную деятельность он начал еще в начале сороковых годов как стихотворец, первую поэму которого приветствовал Белинский. Кому не памятен строки тургеневского стихотворения-романса «В дороге»:

Утро туманное, утро седое.
Нивы печальные, снегом
покрытые,
Нехотя вспомнишь и время
былое,
Вспомнишь и лица, давно
позабывшие...

Элегическая певучесть этих строк хорошо передает атмосферу раннего творчества писателя. Но подлинную славу принесли ему не стихи и не драмы, в которых он тоже пробовал свои силы, а книга очерков «Записки охотника». В ней была реализована его «аннибаловская клятва» посвятить себя борьбе с крепостным правом. Под аккомпанемент этих «записок по крепостничеству» шло становление и развитие русской литературы. Громадное влияние вскоре ощутил на себе весь цивилизованный мир. Спустя несколько десятилетий Оксфордский университет, присуждая русскому писателю степень доктора гражданского права, специально оговаривал, что «Записки охотника» внесли большой вклад в дело борьбы с рабством не только в России, но и далеко за ее пределами.

Популярности «Записок» много способствовали проникновенные лирические картины русской жизни, сложившейся в условиях крепостничества. Герои очерков, прежде всего простые люди, взятые из крестьянской среды, представляют лучшие черты русского национально-гуманного характера. Их отличают правдивость и поэтичность, деловитость и романтическая настроенность, готовность «поломать себя» и двинуться вперед по пути преобразований. Но все эти силы потенциальные, пока еще дремлющие в неосознанности. Чтобы привести их в движение, нужны просвещенные и умелые преобразователи. Тургенев остро сознавал, что на повестку дня выдвигался вопрос всех вопросов: где тот человек, который, говоря словами Гоголя, «смог бы на понятном для русской души языке сказать всемогущее слово «вперед»? Где реформаторы, способные будоражить умы, брать на себя роль творцов новой жизни?»

Выяснению этого вопроса посвящены все шесть турге-

невских романов, первым из которых был «Рудин» (1855), а последним «Новь» (1876). Каждый из них — гибкий инструмент «духовной проверки», испытания на прочность текущего социального опыта, «быстро угадывающий новые потребности, новые идеи, вносимые в общественное сознание» (Добролюбов) и предлагающий их суду передовой общественности. Роман Тургенева оказал огромное воздействие на мировую литературу, стал образцом реалистического романа. Прямой его предшественник — пушкинский «Евгений Онегин». От Пушкина переходит к Тургеневу принцип суда над героем, «властителем дум», и соединение социальной темы с темой любви. Известно, что в русской литературе, как ни в какой другой, изображение любви связано с громадным общественно-идеологическим содержанием. Любовь в качестве духовного испытания — это сила, движущая сюжет тургеневского романа. И не случайно столь важная роль принадлежит здесь образу так называемой «тургеневской девушки». По словам одного из критиков, Тургенев создал литературный Олимп, населенный «благороднейшими женскими существами, великими в своей простоте и в своих стремлениях».

Первая «тургеневская девушка» — Наталья Ласунская. Рудин, которому она отдала свое сердце, растерялся и отступил перед силой молодого порыва. И дело совсем не в отсутствии воли «к великому стремлению», а в том, что он слишком отгорожен от мира, от людей своей непомерной развитой «головной» потребностью все подвергать анализу и все топить в рассуждениях. «Я понимаю, — говорит ему Наталья, — кто стремится к высшей цели, уже не должен думать о себе». Однако «диалектик обаятельный», энтузиаст самоанализа не может не думать о себе, и это делает Рудина невольным эгоистом. Такой же внутренний ущерб Тургенев обнаруживает и в героине романа «Дворянское гнездо». «Отцы», по видимому, не способны возглавить движение России вперед, хотя в их среде зреет протест, революционная мораль самозверженного служения народу. Вот почему Тургенев закономерно переходит к художественному изучению «детей», к их социальным перспективам.

Сначала в романе «Накануне» появляется решительный и волевой «новый человек» — революционер Инсаров. Однако судьба этой «сознательно героической» натуры связана отнюдь не с Россией. Затем Тургенев приступает к созданию «русского Инсарова» и делает это в романе «Отцы и дети», в центре которого — знаменитый Евгений Базаров. Это имя обрушилось на чита-

тельскую публику как грозой дождь, став наиболее притягательным в русской литературе. В 1949 году Томас Манн писал: «Если бы я был послан на необитаемый остров и мог бы взять с собой лишь шесть книг, то в их числе безусловно были бы «Отцы и дети». Наряду с личной значительностью Тургенев наделил своего героя трагической судьбой. Подобное усложнение идейно-психологического строя было воспринято многими сверстниками Базарова как отклонение от правды. Вспыхнули споры, отголоски которых слышны и по сию пору. Но в спорах лишь выяснилась истина, что образ Базарова с небывалым максимализмом воплотил идеал служения общему делу. Решимость героя посвятить себя борьбе при полном забвении «своей несносной личности», кажется, не знает преград — вплоть до отказа от наслаждения любовью, искусством, красотой, до «чистоты русского» предпочтения «сапог Шекспиру», до нигилистического вызова всей культуре, созданной при несправедливом общественном строе (отсюда и знаменитые афоризмы Базарова: «Рафаэль гроша медного не стоит», «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник» и пр.). Тургенев как-то сказал о героях базаровского типа: «Когда переведутся такие люди, пушкин закроется навсегда книга истории! В ней нечего будет читать».

Образ Базарова — апофеоз тургеневского творчества. Он до сих пор многое говорит о человеческой способности преодолевать себя, отрекаться от своеволия и эгоизма, о необходимости посвятить свои силы передовому идеалу.

Нередко можно слышать, что Тургенев был либералом по своим политическим убеждениям, — и это совершенно верно. Он сам признавался, что никогда не разделял революционных взглядов. Но либерализм Тургенева отошел в прошлое и стал достоянием истории. Остались и сохранили свое непреходящее обаяние «прозрачные, будто сотканые из воздуха образы, начало любви и света, во всякой строке бьющее живым ключом...» (Салтыков-Щедрин). Остались исключительный дар воплощения в слове всей трепетности первого юношеского чувства, радости и робости первой любви, ее непреходящей красоты, ее счастья. Повести Тургенева, такие как «Фауст», «Ася», «Первая любовь», «Вешние воды», — это вечный упрек цинизму, бесстыдному непониманию таинственной силы этого чувства — вечное, живое противостояние рационально-потребительскому к жизни. Остался образ России, лирические картины русской жизни и русской природы: они стали нашим неумирающим прошлым и, в этом смысле, нашим живым настоящим.

Е. БАРЫШНИКОВ
доцент кафедры литературы ЛГУ